

С точки зрения экономики

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-2-13-33

Ирина Олеговна АБРАМОВА

Институт Африки Российской академии наук
Спиридоновка ул., 30/1, Москва, 123001, Российская Федерация
africa.institute@yandex.ru
ORCID : 0000-0001-8394-0214

Леонид Леонидович ФИТУНИ

Институт Африки Российской академии наук
Спиридоновка ул., 30/1, Москва, 123001, Российская Федерация
africa.institute@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5416-6709

Влияние структурных и макроэкономических дисбалансов на фундаментальные тренды социально-экономического развития стран Ближнего Востока и Северной Африки

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу фундаментальных трендов социально-экономического развития в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (РБВСА). Авторами установлено, что природно-климатические и ресурсные факторы достаточно жестко детерминировали экономический профиль региона, который, в свою очередь, предопределил ключевые структурные и макроэкономические дисбалансы, отражающиеся на социально-экономическом развитии РБВСА. Историческая асимметрия в развитии государств БВСА, бывших долгое время частями британской, французской и оттоманской колониальных империй с определенной им экономической или стратегической ролью, создала предпосылки для последующей экономической диффе-

ренциации стран региона. За годы независимости неравномерность развития изначально однотипных аграрно-бедуинских экономик резко усилилась вследствие проводимой их суверенными правительствами социально-экономической политики и в соответствии с ресурсными возможностями каждой из стран. Авторы дают собственную классификацию стран БВСА, разделив их на пять групп в зависимости от характера и детерминант экономического развития. Авторы пришли к выводу, что едва ли не все текущие социально-экономические проблемы региона связаны с двумя его фундаментальными специфическими характеристиками: колоссальными рентными доходами (главным образом, нефтегазового происхождения) и относительным перенаселением. В ста-

тве выявлены основные макроэкономические дисбалансы в исследуемых странах, показана асимметрия внутрирегионального развития и структурные перекосы экономико-демографического характера и проанализирована политика государств региона в области макроэкономической стабилизации и преодоления существующих дисбалансов. Дан прогноз динамики финансовых детерминант макроэкономической стабильности в регионе. Показан механизм транзита экономических дисбалансов в социальную и политическую сферы арабских государств. Авторы пришли к выводу, что страны БВСА нуждаются в ускорении структурных реформ по диверсификации их экономик. Расширение возможностей для национального частного сектора и повышения его значимости в нефтефтяном сегменте экономики могло бы содействовать облегчению ситуации с занятостью и увеличением платежеспособного спроса населения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ближний Восток, Северная Африка, развитие, экономические дисбалансы, структурные диспропорции, реформы, финансовая стабилизация, макроэкономическое равновесие

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. (2017). Влияние структурных и макроэкономических дисбалансов на фундаментальные тренды социально-экономического развития стран Ближнего Востока и Северной Африки. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (2). 13-33. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-2-13-33

Исследование выполнено по комплексной программе фундаментальных исследований Отделения глобальных проблем и международных отношений Российской академии наук. Проект «Экономические и социальные дисбалансы в макрорегионах современного мира».

From the Point of Economics

DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-2-13-33

Irina O. ABRAMOVA

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
30/1, ul. Spiridonovka, Moscow, Russian Federation, 123001,
africa.institute@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8394-0214

Leonid L. FITUNI

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
30/1, ul. Spiridonovka, Moscow, Russian Federation, 123001,
africa.institute@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5416-6709

The Impact of Structural and Macroeconomic Imbalances on the Fundamental Trends of the Socio-Economic Development in the Middle East and North Africa

ABSTRACT. *Structural and macroeconomic imbalances have been an inalienable feature of the socio-economic development in the Middle East and North Africa (MENA) since independence. Both types of disproportions produce a negative impact upon fundamental development trends in the region. Against this background, this paper analyses the structure and hierarchies of imbalances in the region of the Middle East and North Africa. The article argues that broad-range monitoring of fiscal and macroeconomic indicators can facilitate the identification of emerging imbalances and provide ways of overcoming them. The article contends that the natural and climatic and resource factors quite rigidly determined the economic profile of the region, which, in turn, predetermines the key structural and macroeconomic imbalances that affect MENA socio-economic development. The historical asymmetry in the development of the MENA states, which for a long time had been parts of the British, French and Ottoman colo-*

onial empires, with their economic or strategic roles determined by the overseas rulers, created prerequisites for the subsequent economic differentiation of the countries of the region. Over the years of independence, the uneven development of the initially similar agrarian-Bedouin economies has increased dramatically as a result of the socio-economic policies carried out by the sovereign governments in accordance with the resource capacities of each country. The authors categorise MENA countries, dividing them into five groups, depending on the nature and determinants of economic development. The authors insist that almost all the current social and economic problems of the region are related to its two fundamental specific characteristics: colossal rental incomes (mainly of oil and gas origin) and relative overpopulation. The article exposes main macroeconomic imbalances MENA states, demonstrating the asymmetry of intra-regional development and structural distortions of the economic and demographic nature. On the ba-

sis of complex fiscal and macroeconomic data analysis the authors identify the existing imbalances. The paper produces a critique of existing macroeconomic stabilization policies in MENA states and their attempts to overcome the existing imbalances. I. Abramova and L. Fituni provide an augmented assessment of the typical policy failures in MENA. The research results in a forecast of the dynamics of financial determinants of macroeconomic stability in the region and the authors' vision of ways to overcome or limit the existing and imminent imbalances. The authors come to the conclusions that that MENA countries need to accelerate structural reforms in order to overcome imbalances and to achieve diversification of their economies. Expanding the opportunities for the national private sector and increasing its importance in the non-oil segment of the economy could help to alleviate the employment situation and increase the effective consumer demand.

KEYWORDS: *Middle East, North Africa, developments, economic imbalances, structural disproportions, reforms, financial stabilization, macroeconomic equilibrium*

FOR CITATION: Abramova I.O., Fituni L.L. (2017). The impact of structural and macroeconomic imbalances on the fundamental trends of the socio-economic development in the Middle East and North Africa. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (2). 13–33. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-2-13-33

ACKNOWLEDGEMENTS: *The research is done under the complex program of fundamental studies of the Subdivision of global problems and international relations of the Russian Academy of Sciences. Project “Economic and social imbalances in macroregions of the modern world”.*

Регион Ближнего Востока и Северной Африки (далее – РБВСА) включает почти два десятка государств, сильно различающихся по уровню развития, доходам и степени влияния на мировую экономику и товарные рынки. Большинство стран региона объединены не только общностью географического положения, но и историко-цивилизационными скрепами. Почти все исследуемые нами страны – арабские государства, хотя географически к региону принадлежат также Израиль, Турция, Кипр и Мальта¹. Природно-климатические и ресурсные факторы достаточно жестко детерминировали экономический профиль региона, который, в свою очередь, предопределил ключевые структурные и макроэкономические дисбалансы, отражающиеся на социально-экономическом развитии РБВСА. В конечном счете едва ли не все текущие социально-экономические проблемы региона как единого целого так или иначе связаны с двумя его фундаментальными специфическими характеристиками: колоссальными рентными доходами (главным образом, нефтегазового происхождения) и относительным перенаселением.

Большая часть территории региона – безлюдная пустыня. Подавляющее большинство из 335 млн. человек населения живет либо в относительно неширокой субтропической зоне вдоль побережья Средиземного моря, либо в еще более узких полосах плодородных земель вдоль русел пересыхающих полноводных рек, таких, как Нил, Тигр, Евфрат, Иордан. В Египте, например, 85% из почти 95-миллионного населения проживает на 10% территории страны, главным образом на плодородных землях по берегам Нила (Волков, 2016, с. 3–11). В Ливии в плодородной

1 Ключевые международные экономические институты и организации (МВФ, Всемирный банк, ЮНКТАД, ПРООН и др.) обычно не включают в него эти 4 страны, зато относят к нему Сомали, Джибути и Мавританию. Турция и Израиль могут включаться или исключаться в зависимости от целей публикации, обзора или исследования. Ряд организаций (МВФ, ВБ) в последние годы ориентируются в работе на широкий ареал MENAP, включающий все названные страны, кроме Кипра и Мальты, а также страны Закавказья и Среднего Востока до Пакистана включительно. ЮНКТАД в последние три года использует в публикации-журнале географический термин «Западная Азия».

прибрежной зоне шириной около 150 км живет почти 90% населения страны, причем приток ливийцев в прибрежные города даже из плодородных оазисов в глубине страны нарастает. Для многих государств региона результатом таких тенденций стали непреодолимые перекосы и диспропорции в развитии национальных хозяйственных комплексов, которые усугубляются рукотворными дисбалансами, порождаемыми недостаточно продуманной экономической политикой и внешними шоками.

С точки зрения современных представлений о макроэкономической «самодостаточности» суммарного ВВП региона в 8,3 трлн долл. и 335 млн потенциальных производителей и потребителей товаров и услуг (данные на 2017 г.) вполне достаточно для формирования устойчиво растущего саморазвивающегося регионального рынка. Однако на деле это лишь гипотетическое построение на базе постулатов современной экономической теории. В лучшем случае это отдаленное будущее, вероятность наступления которого, исходя из сегодняшних данных, очень трудно реализуема.

На пути к столь благоприятной экономической перспективе лежит масса препятствий и дисбалансов как объективного, так и субъективного свойства. Несмотря на количественное обилие внутрирегиональных организаций, объединений и комитетов, уровень реальной экономической интеграции в РБВСА один из самых низких среди регионов мира (Abdmoulah, 2011, p. 39–65; Abdmoulah, Laabas, 2010). Интеграционным процессам препятствуют и сложные взаимоотношения между соседями, и неразвитая инфраструктура (Abedini, Abedini, 2008, p. 848–872). К специфическим и одновременно уникальным характеристикам региона следует отнести и то, что в наши дни социально-экономическое развитие РБВСА в чрезвычай-

чайно высокой степени обременено грузом нерешенных проблем и тлеющих конфликтов цивилизационного, религиозного, этнического и просто традиционалистского порядка. Пожалуй, развитие ни одного другого региона мира не тормозится ими в сравнимой с РБВСА степени.

Экономическое многообразие и характер дисбалансов

Ближний Восток и Северная Африка – в целом социально-политически гомогенный, но экономически неоднородный регион. Историческая асимметрия в развитии государств БСВА, бывших долгое время частями британской, французской и оттоманской колониальных империй с определенной им экономической или стратегической ролью, создали предпосылки для последующей экономической дифференциации стран региона. За годы независимости неравномерность развития изначально однотипных аграрно-бедуинских экономик резко усилилась вследствие проводимой их суверенными правительствами социально-экономической политики и в соответствии с ресурсными возможностями каждой из стран.

Учитывая указанные неравномерности и диспропорции, страны БВСА сегодня можно разделить на пять групп в зависимости от характера и детерминант развития их экономик²: 1) рентные, мало диверсифицированные экономики (монархии Аравийского полуострова, Ливия); 2) страны-нефтеэкспортеры со значительной по меркам региона степенью диверсификации экономики (Иран, Алжир, Ирак); 3) быстро растущие диверсифицированные экономики, экспортирующие в т.ч. и сырье (Египет, Марокко); 4) «страны-середняки» – небольшие государства со средними для региона доходами, относи-

2 Для Ирака, Ливии и Сирии данная группировка применима к состоянию их экономик и реализуемых стратегий развития, предшествовавших началу вооруженных конфликтов в этих странах.

Таблица 1. ВВП по паритету покупательной способности некоторых стран Ближнего Востока в 1990–2020 гг.

	ВВП по ППС (млрд долл. США)				Темпы прироста ВВП в 2015, %	ВВП по ППС на душу населения (тыс. долл. США)			
	1990	2007	2015	2020*		1990	2007	2015	2020*
Капиталоизбыточные страны									
КСА	373,8	1012,4	1681,2	2124,5	4,5	24,6	40,6	53,6	61,3
Катар	22,0	134,8	324,2	427,6	5,7	46,2	117,0	113,0	152,3
Кувейт	52,2	226,5	288,8	363,0	2,1	24,5	66,6	70,2	77,0
ОАЭ	130,0	453,3	641,9	834,5	4,0	70,5	72,9	67,0	75,3
Бахрейн	12,5	42,1	64,9	82,9	4,4	25,6	40,5	50,2	58,0
Оман	38,3	102,2	171,8	204,7	5,4	20,8	37,4	44,7	45,7
Капиталодефицитные страны									
Египет	216,2	662,4	996,0	1372,9	5,2	4,2	9,0	11,2	14,1
Йемен	25,9	85,9	75,5	116,4	-27,4	2,1	3,8	2,6	3,6
Ливан	12,8	51,7	83,9	108,2	-19,4	4,7	12,5	18,4	22,6
Иордания	15,1	55,4	83,0	112,6	3,9	4,3	9,7	12,1	14,8
Сирия	36,3	114,6	-	-	-	2,9	5,7	-	-
Ирак	-	309,6	531,4	836,1	1	-	10,8	15,1	20,9

* Прогноз.

Источник: The World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/data-catalog/gdp-ranking-table> (Accessed: 18.05.2017)

тельно развитой обрабатывающей промышленностью, не являющиеся экспортерами топливно-минерального сырья, но экспортирующие квалифицированную рабочую силу (Ливан, Тунис, Сирия, Иордания); 5) беднейшие страны (Судан, Йемен, Сомали, Джибути). При этом нельзя упустить из виду, что в нынешнем веке от трети до половины государств региона постоянно пребывают в состоянии гражданской войны, которая заставляет эти страны быстро перемещаться вниз из категории более зажиточных в группу менее состоятельных или распадающихся (Ливия, Ирак, Сирия) (см. Таблицу 1).

Вследствие существования указанных выше системообразующих экономических характеристик у стран региона сильно различаются базовые макроэкономические показатели, включая объемы ВВП, величину накоплений и сбережений, масштабы денежной базы, запасы золотовалютных ресурсов (ЗВР), уровни стабильности национальных валют и ликвидности и возможность использования инструментов денежно-кредитной политики. Эти факторы становятся системообразующими для формирования макроэкономических дисбалансов, в особенности финансового характера.

Под влиянием двух упомянутых в начале статьи главных детерминант – ресурсного фактора и относительного перенаселения – сложились основные структурные перекосы и дисбалансы современной экономики БВСА: высокий коэффициент демографической нагрузки, массовая безработица, чрезмерная дифференциация в доходах населения, низкая производительность труда в отраслях, в которых занята большая часть трудовых ресурсов, территориальные диспропорции в размещении производительных сил, в соотношении отраслей, относительно низкий или невысокий уровень развития материально-технической базы.

Структурные диспропорции

В широком экономическом смысле в качестве дисбаланса развития можно рассматривать любую тенденцию, приводящую к макроэкономическим изменениям, которые отрицательно влияют или могут потенциально отрицательно воздействовать на надлежащее функционирование экономики государства.

Для понимания корневых базовых структурных диспропорций в регионе необходимо учитывать специфику процессов воспроизводства и занятости народонаселения. Демографические дисбалансы – один из ключевых факторов, формирующих структурные диспропорции в экономике, прежде всего с позиции приближения к точкам равновесия в использовании трудовых ресурсов. Для выявления дисбалансов для арабских стран критически важными являются индикаторы доли молодых возрастов в общем составе населения. Они важны в двух аспектах: как показатель, определяющий долю социальных расходов в составе фискального баланса государства, и как предиктор социальной напряженности в обществе, связанной с трудоустройством молодежи и ее взаимоотношениями с властью (Фитуни, 2011, с. 190).

Строго говоря, коэффициент демографической нагрузки (КДН) как демографи-

ческий показатель не является индикатором, относящимся исключительно к молодежи. Он показывает нагрузку на общество и экономику со стороны населения, не относящегося к трудоспособному населению в целом (зависимая часть). Под населением, не относящимся к трудоспособной категории, понимают совокупную численность тех, кто младше 15 лет и старше 64 лет. Возраст населения трудоспособного возраста (производительная часть) соответственно – между 15 и 65 годами. КДН напрямую отражает финансовые расходы на социальную политику в государстве. Например, при росте коэффициента, должны быть увеличены расходы на постройку образовательных учреждений, социальную защиту, здравоохранение, выплаты пенсий и т.д.

Особенностью фундаментальных трендов в РБВСА является то, что демографическая нагрузка на трудоспособные возрасты в подавляющей степени складывается за счет молодежи до 15 лет. Поэтому при макроэкономическом анализе более важен агрегативный показатель коэффициента потенциального замещения (КПН, также известен как «коэффициент детской нагрузки»). Он рассчитывается как отношение численности населения ниже трудоспособного возраста к численности трудоспособного населения.

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что страны БВСА существенно различаются по своей демографической структуре. При этом в части исследуемых нами государств численность местного населения невелика. В монархиях Персидского залива, например, нехватку рабочих рук приходится покрывать за счет импорта рабочей силы как из трудоизбыточных стран региона (Египта, Туниса, Ирака, стран Леванта), так и из-за его пределов. Покупательская способность местных жителей и мигрантов (порой даже квалифицированного персонала) сильно разнится (Абрамова, Бессонов, 2012, с. 10–15). Следует, правда, отметить, что статистические данные 2016–2017 гг. по миграционному при-

Таблица 2. Индикаторы экономико-демографических дисбалансов в некоторых странах БВСА (оценка на 1 января 2017 г.).

КСА	Численность населения, тыс. чел.	Общий годовой прирост в 2016, %	Миграционный прирост, тыс. чел.	Доля молодежи до 15 лет, %	ОПД	КДН	КПЗ	КПН
Алжир	40 822	1.92	-30.4	24.2	74.5	41.7	34.3	7.4
Египет	94 538	2.18	-46.2	32.7	71.0	59.2	52.1	7.2
ЗБИГ (ПА)	4 862	2.75	-9.4	39.0	74.5	73.2	67.5	5.7
Иордания	7 970	3.05	50.3	35.3	80.1	66.9	58.9	8.1
Ирак	38 255	3.30	120.7	38.0	70.6	69.8	64.6	5.2
Йемен	27 889	2.57	-10.9	43.0	63.7	83.9	79.1	4.8
КСА	32 675	2.31	182.0	29.4	74.1	47.9	43.6	4.4
Ливан	6 433	5.94	298.0	23.0	75.0	47.1	33.8	13.3
Ливия	6 273	0.04	-100.3	32.8	77.7	59.6	52.3	7.3
Марокко	35 089	1.37	-64.7	27.8	75.9	51.4	42.1	9.2
Судан	41 529	2.16	-170.3	42.1	55.4	81.3	76.4	4.9
Тунис	11 445	1.12	-6.8	23.2	75.0	44.3	33.5	10.8

Составлено и рассчитано авторами на базе данных United Nations Population Information Network. URL: <http://www.un.org/popin/data> (Accessed: 08.05. 2017)

Сокращения в таблице: ЗБИГ (ПА) – Западный берег и сектор Газа (Палестинская Автономия); КСА – Королевство Саудовская Аравия; ОПД – средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении для обоих полов (число лет); КДН – общий коэффициент демографической нагрузки; КПЗ – коэффициент потенциального замещения; КПН – коэффициент пенсионной нагрузки.

росту включают большую долю населения, перемещенного вследствие войн в Сирии, Ливии, Ираке и Йемене.

В то время как страны Персидского залива являются чистыми импортерами рабочей силы, все другие государства БВСА, в том числе богатые природными ресурсами, такие как, например, Алжир, Ирак и Иран, являются чистыми экспортерами трудовых ресурсов. В Ираке, Йемене, Палестине, Сомали, Джибути доля неработающей молодежи приближается к 45% от ее общей численности. Коэффициент демо-

графической нагрузки здесь очень высок из-за естественной возрастной структуры населения, огромной безработицы, а также в силу действия культурно-исторических и цивилизационных причин, заставляющих подавляющее большинство женщин оставаться дома, вне сферы отношений наемного труда. В результате они вносят очень ограниченный вклад в формирование совокупного платежеспособного спроса в регионе БВСА.

К числу относительно новых фундаментальных экономико-демографических

трендов в регионе, способствующих усилению макроэкономических дисбалансов, следует отнести быстрый рост практически во всех странах когорт населения пенсионного возраста (Таблица 2). В абсолютном выражении такая тенденция имеет место во всех государствах региона. В относительном плане данная направленность более выражена в государствах с высокими и средними уровнями доходов. В целом она объясняется как успехами медицины и неплохим развитием систем здравоохранения в регионе, так и устойчивым ростом общего благосостояния населения. Этот показатель является важнейшим при оценке общего качества жизни. В этой связи невозможно, например, не заметить, что при всех издержках десятилетий общего социально-экономического застоя в странах региона средняя ожидаемая продолжительность жизни в них выше, чем в России. Причем издержки «арабской весны» и гражданские войны в РБВСА не помешали этому показателю оставаться на весьма высоких значениях даже по меркам развитых стран (Ткаченко, Васильев, 2011, с. 533–541).

В силу сравнительной новизны для региона БВСА этот тренд пока еще анализируется в основном с точки зрения своих теоретически возможных последствий. Из-за небольшой продолжительности статистических наблюдений он недостаточно хорошо изучен с точки зрения реальных макроэкономических последствий для стран региона. При построении предиктивных макроэкономических моделей в качестве переменной используется показатель коэффициента пенсионной нагрузки (КПН), который рассчитывается как отношение численности населения выше трудоспособного возраста к численности трудоспособного населения. Предварительное представление о потенциальном значении для возникновения будущих структурных экономико-демографических дисбалансов в РБВСА представляют в этом плане данные Таблицы 2.

Во всех странах БВСА самая высокая доля населения занята в сельском хозяйстве или в сфере услуг, а также на государственной службе. Как правило, все эти сектора характеризуются невысокой производительностью труда, а значит, отток рабочей силы в другие, более производительные сектора содержит большой потенциал для структурных изменений.

Пока же сохраняется структурная асимметрия: доля рабочих в секторах с низкой производительностью выше в РБВСА, чем в любом другом регионе мира, за исключением Африки. В 2000 г. доля работников в секторах с производительностью труда ниже средней по стране составляла 78% в Африке, 74% в РБВСА, 70% в Азии, 67% в Латинской Америке и 64% в странах с высоким доходом (Абрамова, 2011, с. 23–29). В 2015 г. РБВСА по-прежнему занимал второе место с 67 процентами. Юрисдикция с наибольшей (92%) долей рабочей силы, занятой в секторах с низкой производительностью, – это Западный берег и сектор Газа (Палестинская Автономия).

Для преодоления структурных диспропорций, при которых лишь небольшая часть трудовых ресурсов занята в относительно высокопроизводительных секторах, необходима целенаправленная экономическая политика, стимулирующая перераспределение рабочей силы из низко- в высокопродуктивные сектора. В случае реализации данного курса в странах БВСА потенциально может быть дан толчок к общему росту производительности труда в национальной экономике.

Описанная демографическая модель в реальной жизни означает, что каждому занятому приходится «кормить» избыточное количество «иждивенцев», целиком зависящих от его доходов. Данный структурный дисбаланс является общей для всех стран региона социально-демографической особенностью, задающей физический предел потребительским расходам основной массы населения. Социально-культурные и цивилизационные детерминанты, таким образом, созда-

ют в странах БВСА своеобразный «естественный потолок» для потребительского спроса, который при более благоприятных условиях мог бы стать драйвером роста национальных экономик.

Истекшие два десятилетия, несмотря на все военно-политические перипетии последнего времени, в целом были достаточно благоприятным периодом экономического развития для стран БВСА. После затяжной стагнации в течение 1980-х годов экономический рост в БВСА в 1990-е годы восстановился. Практически во всех странах региона правительства отошли от экономических моделей развития, опиравшихся на приоритетное развитие государственного сектора. Такие модели в силу исторических причин были в прошлом характерны не только для стран, проповедовавших разные формы «арабского» или «исламского социализма» (Алжир, Ливия, Сирия, Ирак, Йемен, на более ранних этапах – Египет и Сомали), но и для западноориентированных монархий Персидского залива, Иордании, Марокко и Туниса. Развитие национального частного сектора (по крайней мере, в качестве декларируемого курса) отныне было положено в основу экономической политики многих стран. Кроме того, объективно происходили процессы интеграции экономик региона в глобальные экономические цепочки.

В результате в расчете на душу населения рост ВВП в период 1997–2016 гг. превзошел здесь все другие регионы мира, за исключением Восточной Азии. Несмотря на относительно высокие темпы роста числа жителей, в период с 1992 по 2016 г. реальный рост ВВП на душу населения БВСА в постоянных ценах в среднем составлял 2,1%. Благодаря предпринятым реальным усилиям в экономической сфере и ярко выраженному (но пока все-таки не давшему по-настоящему значимых плодов) стремлению к структурным реформам происходил рост экспорта, причем, что особенно важно, не только нефтяного. Иными словами, даже если исключить

вклад продукции горнодобывающей промышленности, темпы роста товарного экспорта из региона в указанный период росли быстрее среднего показателя по развивающимся странам. В то же время необходимо признать, что при всей значимости декларируемых структурных реформ и новаций в экономической политике, включая ее денежно-кредитный вектор, благоприятные результаты были обеспечены в первую очередь ростом экономик стран-нефтеэкспортеров. Именно эти государства демонстрировали довольно продолжительный и впечатляющий, но, увы, не самоподдерживающийся рост всего региона БВСА.

С резким падением мировых цен на нефть в середине второго десятилетия нынешнего века ситуация с наполнением бюджетов сильно ухудшилась даже у арабских монархий, не говоря уж о «разорванных в клочья» военными действиями экономиках Ирака, Ливии, Сирии и тем более Йемена (Кукушкин, 2014, с. 19–25).

В 2016 г. рост регионального ВВП составил 3,2 процента. Ожидается, что в 2017 г. экономический рост в РБВСА замедлится до 2,1 процента. Однако несбалансированность внутрирегионального экономического роста будет сглаживаться одновременным действием взаимно противоположных трендов: снижением цифр ВВП стран – экспортеров нефти из-за добровольного ограничения нефтедобычи членами ОПЕК и продолжающегося экономического роста в странах – импортерах энергоносителей. По прогнозам, региональный рост будет постепенно ускоряться и к 2019 г. достигнет величины в 3,1%, несмотря на проводимые в обеих группах стран (экспортеров и импортеров нефти) меры по сокращению бюджетных расходов (см. Таблицу 3). Главными рисками на перспективу остаются продолжающаяся геополитическая напряженность и конфликты, более низкий, чем ожидалось, восстановительный рост цен на нефть у стран-нефтеэкспортеров и промедление в осуществлении структурных реформ.

Таблица 3. РБВСА: темпы прироста реального ВВП в рыночных ценах, %.

	2014	2015	2016 ^а	2017 ^а	2018 ^б	2019 ^б
ВВП развивающихся стран РБВСА^с	3.4	2.8	3.2	2.1	2.9	3.1
ВВП развивающихся стран РБВСА^д	3.4	2.7	3.1	2.2	2.9	3.2
ВВП на душу населения (долл. США)	1.4	0.8	1.3	0.6	1.4	1.8
ВВП по ППС	3.5	2.6	3.3	2.4	3.0	3.3
Личное потребление	6.4	1.5	2.6	2.3	3.0	3.2
Общественное потребление	6.9	1.7	-1.0	1.0	1.6	1.6
Инвестиции в капитальные активы	5.8	3.3	0.1	2.9	4.6	5.6
Экспорт товаров и нефакторных услуг	2.3	1.9	5.8	2.3	3.7	3.9
Импорт товаров и нефакторных услуг	7.0	0.0	2.1	3.0	3.0	3.4
Чистый экспорт, вклад в рост	-1.7	0.9	1.9	0.0	0.6	0.5

Для сравнения: страны и группы стран

Экспортеры нефти^е	3.4	2.6	3.2	1.8	2.5	2.8
СССПЗ^ф	3.2	3.8	1.9	1.3	2.3	2.5
Саудовская Аравия	3.7	4.1	1.4	0.6	2.0	2.1
Импортеры нефти^г	3.0	3.7	2.8	3.7	4.1	4.4
Египет	3.7	4.4	4.1	4.3	5.0	5.3
Египет (база – финансов. год)^h	2.9	4.4	4.3	3.9	4.6	5.3

а. оценка.

б. прогноз.

с. ВВП (по обменному курсу долл. США 2010 г.). Без учета Ливии, Сирии и Йемена.

д. Все страны, перечисленные в примечаниях f и h, за исключением Джибути, Ирака, Катара, Западного берега и сектора Газа (Палестинская Автономия).

е. Алжир, Бахрейн, Ирак, Исламская Республика Иран, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты.

ф. Совет сотрудничества стран Персидского залива (СССПЗ) включает Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовскую Аравию и Объединенные Арабские Эмираты.

г. Импортеры нефти включают Джибути, Египет, Иорданию, Ливан, Марокко, Тунис, Западный берег и сектор Газа (Палестинская Автономия).

h. Финансовый год продолжается в Египте с 1 июля по 30 июня. Колонка с надписью «2016» отражает финансовый год, закончившийся 30 июня 2016 г.

Источник: Global Economic Prospects. World Bank. January 2017, Washington, 2017. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/25823/9781464810169.pdf> (Accessed 03.03.2017)

Макроэкономические дисбалансы и их последствия

Стабильные профициты бюджетов нулевых годов нынешнего века в странах-нефтеэкспортерах БВСА после резкого падения цен на энергоносители начали сокращаться, но в 2013 г. еще суммарно достигали огромной цифры в 128 млрд долл. Начиная с середины второго десятилетия ситуация сменилась на диаметрально противоположную. В 2015 г. суммарный дефицит бюджетов стран – нефтеэкспортеров БВСА достиг 264 млрд долл. Одни только члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)³ потеряли в 2015 г. 157 млрд долл. запланированных доходов от нефти. Чтобы преодолеть сложившийся дисбаланс, поддержать развитие экономики, покрыть неожиданно образовавшиеся бюджетные дефициты и не дать обостриться политической напряженности из-за невыполнения социальных обязательств (прежде всего, огромного числа субсидий, политически и идеологически мотивированных программ и проектов в стране и за рубежом), Саудовская Аравия, Кувейт и в меньшей мере Катар были вынуждены прибегнуть к интенсивной трате откладывавшихся ранее средств различных суверенных фондов (в том числе различных национальных фондов будущих поколений, исламской солидарности, благосостояния/развития нации и т.д.). В 2015 г. резервы Саудовской Аравии уменьшились на 178 млрд, Алжира – на 28 млрд, Ирака – на 27 млрд долл.⁴ (см. Таблицу 4).

У нефтянэкспортирующих государств региона оптимальный период роста экономик был более коротким – между 2000 и

2009 гг., но их подушевые показатели ВВП за это время оказались достаточно высокими: в среднем 2,6% в год. Полет прервала сначала «арабская весна» и обострение военных конфликтов, а затем и вялый рост мировой экономики в 2014–2016 гг. (Фитуни, Солодовников, 2012, с. 2–9). Тем не менее в странах, являющихся чистыми импортерами нефти (Марокко, Тунис, Иордания, Джибути), падение мировых цен на энергоносители способствовало облегчению ситуации с покрытием бюджетных разрывов и опосредованно благоприятно сказалось на сдерживании темпов инфляции.

Макроэкономическая стабилизация, проводимая в этот период в странах БВСА, вполне могла бы явить и более зримые результаты. В частности, она мало повлияла на проблему с параллельными валютными рынками в Иране, Алжире и Сирии, чуть более, но все же недостаточно – на инфляцию в Иране, Алжире, Египте, Сирии и на остроту проблемы дефицита госбюджета в Тунисе и Марокко.

Опыт РБВСА показывает, что, несмотря на определенные усилия правительства региона в направлении реализации программ структурных реформ, темпы их проведения устойчиво отставали и продолжают отставать от всех других регионов мира. В первое десятилетие нынешнего века даже Тропическая Африка, традиционно отстававшая в этом отношении от РБВСА, вырвалась вперед. Медленные темпы структурных реформ были важным фактором, не давшим в полной мере проявиться преимуществам макроэкономической стабилизации. Это было подтверждено эмпирическими исследованиями, проведенными в 2016–2017 гг. группой иссле-

3 Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) (англ. Cooperation Council for the Arab States of the Gulf). В англоязычной литературе принято использовать традиционную аббревиатуру GCC, оставшуюся со времен изначального названия организации Gulf Cooperation Council – региональная закрытая международная организация, в которую входят Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия. В официальном названии организации слово «Персидский» отсутствует, поскольку арабские государства предпочитают называть этот залив Арабским, поэтому в отечественной литературе нередко организацию также именуют Советом сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ или ССЗ).

4 См.: Whither Oil Prices? URL: <http://www.worldbank.org/en/news/press-release/2016/07/27/whither-oil-prices> (Accessed: 18.05.2017)

Таблица 4. Показатели бюджетно-денежной стабильности стран – нефтеэкспортеров БВСА в 2015 г.

Страна	Уд. вес углевод. сектора в ВВП	Доля углеводородов в экспорте	Государственный долг, в % к ВВП	Цена нефти, заложенная в бюджет в долл./барр.	Отношение активов суверенных фондов к ВВП, %	Резервы ^а	Цена отсечения баланса бюджета
Бахрейн	40 822	1.92	-30.4	24.2	74.5	41.7	34.3
Ирак	94 538	2.18	-46.2	32.7	71,0	59.2	52.1
Иран	4 862	2.75	-9.4	39.0	74.5	73.2	67.5
Катар	7 970	3.05	50.3	35.3	80.1	66.9	58.9
Кувейт	38 255	3.30	120.7	38.0	70.6	69.8	64.6
ОАЭ	27 889	2.57	-10.9	43.0	63.7	83.9	79.1
Оман	32 675	2.31	182.0	29.4	74.1	47.9	43.6
Саудовская Аравия	6 433	5.94	298.0	23.0	75.0	47.1	33.8

а включает величину активов суверенных фондов, контролируемых монетарными властями, измеренных, в соответствии с условиями международной статистической отчетности МВФ, в количестве месяцев импорта товаров и услуг.

Источник: Rother B. [et al.]. The Economic Impact of Conflicts and the Refugee Crisis in the Middle East and North Africa. IMF Staff Discussion Note. 2016. SDN/16/08/ September. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2016/sdn1608.pdf> (Accessed: 18.05/2017)

дователей Института Африки РАН в рамках проекта РГНФ №16-07-00010 «Африканский вектор» фундаментальной трансформации экономической структуры РФ в новых геополитических условиях». С использованием эконометрических методов была выявлена степень взаимозависимости между мерами по макроэкономической стабилизации и экономическим ростом в двух группах стран: в 15 арабских государствах⁵ и в 25 странах Африки южнее Сахары⁶ в периоды 1991–2000 гг., 2001–2010 гг. и 2011–2015 гг. Результаты исследования были доложены на одноименном международном семинаре в Москве (Сидоров, Филиппова, 2017, с. 19–23). В соот-

ветствии с методологией, созданной при участии проф. Б. Райдера (Центр исследования проблем развития Кембриджского университета, Великобритания), была разработана система агрегированных показателей для анализа реформ с использованием метода главных компонент. Конечные результаты были параллельно апробированы Центром исследования проблем развития Кембриджского университета с использованием альтернативных методик (построение скоринговой модели на основе методик проф. У. Коплина и М. О’Лири из Сиракузского университета США.

Результаты исследования показали, что в обеих исследуемых группах стран

5 Алжир, Египет, Ливан, Ливия, Сирия, Ирак, Иордания, Йемен, Катар, КСА, Кувейт, Марокко, ОАЭ, Судан, Тунис.

6 Ангола, Бенин, Ботсвана, Буркина Фасо, Габон, Гана, ДРК, Замбия, Кабо-Верде, Камерун, Кения, Кот д’Ивуар, Маврикий, Малави, Мали, Мозамбик, Намибия, Нигер, Нигерия, Сенегал, Танзания, Того, Уганда, Эфиопия, ЮАР.

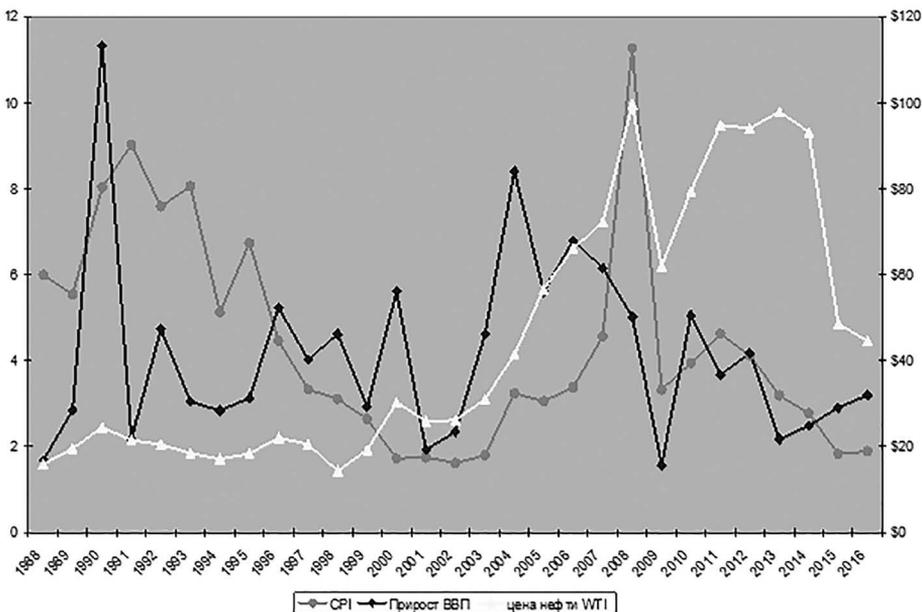
эффект от макростабилизационных мер ощущался со значительным временным лагом, при этом в каждой из групп в части стран от их осуществления наблюдался нарастающий кумулятивный эффект, а в части он не был заметен. При этом в первый временной отрезок (1991–2000 гг.) темпы прироста ВВП на душу населения в обеих группах стран в результате стабилизационных мер были незначительными (0,2% для БВСА и 0,1% для АЮС), а в следующий период (2001–2010 гг.) наблюдался сильный рост влияния (соответственно – 0,4% и 0,7%) с некоторым его ослаблением в пятилетку 2011–2015 гг. (0,3% и 0,5%).

Это исследование и выводы отчасти лежат в русле более масштабного и многофакторного труда экономистов Всемир-

ного банка М.К. Набли и М.А. Вегансонес-Варудакис, хотя и относившегося исключительно к региону БВСА, но изучавшего воздействие на экономический рост пяти групп факторов: макроэкономической устойчивости, внешней стабильности, структурных реформ, человеческого капитала и базовой инфраструктуры до начала нынешнего века (Nabli, Veganzones-Varoudakis, 2004). Если целью экономистов Всемирного банка в тот период, видимо, было подтверждение взаимодополняемости между реформами в рамках Вашингтонского консенсуса, то нас в большей степени интересовал ответ на вопрос, насколько преодоление макроэкономических дисбалансов и стабилизация значимы для ускорения экономического роста

График 1. Динамика инфляции, прироста ВВП в регионе БВСА и мировых спот-цен на нефть WTI в 1988–2016 гг. (в % и долл. США)

Picture 1. Dynamics of Inflation, GDP Growth in the Region of the Middle East and North Africa and the World Spot Oil Prices (WTI oil) in 1988-2016 (in U.S. Dollars)

Составлено авторами по данным World Development Indicators (2016) и US Energy Information Administration. URL: http://www.eia.gov/dnav/pet/pet_pri_spt_s1_m.htm (Accessed: 18.05.2017)

и почему две группы стран, с запозданием приступивших к указанным реформам, демонстрируют столь значительные различия в их эффективности.

Хотя полученные цифры дают весьма большую степень свободы для политэкономической интерпретации результатов, наиболее очевидным объяснением, по-видимому, является то, что в более развитых экономиках указанные эффекты проявляются менее очевидно.

Однако, несмотря на малозаметные воздействия на макроэкономические агрегаты, конкретные проявления стабилизации, такие, например, как снижение уровня инфляции в регионе, были более чем очевидны. В целом динамика инфляции по всему региону Ближнего Востока и Северной Африки за последние четверть века характеризовалась значительной степенью волатильности и высоким уровнем разброса годовых переменных относительно средневзвешенного индикатора, составлявшего 7,8%. По данным МВФ, в этот период показатели потребительской инфляции колебались между максимальным значением в 16,98% в среднегодовом исчислении в 1995 г. и минимумом в 2,61% в 2000 г. (см. График 1).

В исчислении по показателю дефлятора ВВП с 1996 по 2000 г. цифры региональной инфляции снизились с 11,5% до 2,5%. С 2000 г., однако, началось попятное движение этого индикатора. С 2001 г. темп инфляции с каждым годом нарастал вплоть до 2008-го, когда годовая инфляция подскочила до двузначных цифр. Именно в этот период проблема роста инфляции заняла одно из приоритетных мест в экономической повестке дня региона. Мировой финансовый кризис, по крайней мере временно, снизил темп инфляции, но чередой цветных революций, военных действий и обострения социально-политической напряженности в 2011–2013 гг. вновь вывели эту проблему в число одних из самых актуальных экономических вопросов в странах БВСА. В 2014–2015 гг. рассматриваемый показатель несколько сни-

зился, но в 2016 г. сильно увеличилась инфляционная волатильность. В складывающемся социально-экономическом контексте огромное значение приобретает воздействие внешних шоков, в первую очередь связанных с динамикой мировых цен на нефть и продовольствие.

Поскольку международная нефтяная торговля ведется в долларах, в действующей модели мирового экономического развития привязка к доллару для крупных нефтеэкспортеров объяснимое и неизбежное явление. Тем не менее из-за того, что региональные центральные банки вынуждены следовать денежно-кредитной политике США, она делает экономику ССАГПЗ заложницей периодически возникающих циклов кредитных бумов и кризисов. В 2007 г., когда доллар США упал вследствие схлопывания кредитного пузыря, темпы инфляции в ССАГПЗ резко пошли вверх, поскольку местные реальные ставки были отрицательными и породили шлейф высокорискованных заемных операций и спекуляций на фондовом рынке, которые завершились макроэкономической катастрофой в 2008 г.

В 2015 г., с ростом доллара США относительно барреля нефти почти на 25%, монархии залива импортировали дефляцию через нефтяные шоки. В ответ на действия ФРС США местные центральные банки были вынуждены ужесточить свою денежно-кредитную политику, несмотря на то, что местные фондовые рынки, рынки недвижимости и банковский сектор находились в стрессовой ситуации. В новейшей истории сверхсильный доллар уже четвертый раз заканчивается для экономик стран Персидского залива дефляционным шоком. Впервые такая ситуация сложилась в первый срок президентства Р. Рейгана (1981–1985 гг.), во второй – при Б. Клинтоне (1995–1999 гг.) и в третий – при Дж. Буше-младшем (2008–2009 гг.). Резкое удорожание доллара и привязанных к нему местных валют по отношению к евро, фунту и российскому рублю стало катастрофой для ориентированных на туризм

экономик Омана и Дубая, где традиционно проводят зимние месяцы миллионы отдыхающих из Англии, России, Германии и Голландии.

Однако отвязать свои валюты от доллара нефтяные монархии не в состоянии. Это бы означало немедленный взлет инфляции, массовый исход офшорных инвесторов и обесценивание сбережений в местных банковских институтах. Центральные банки, денежные рынки и рынки капитала этих стран не способны брать на себя риски плавающих валютных курсов. Денежно-кредитная и макроэкономическая политика правительств и центральных банков стран Залива, да и вообще их внешняя и внутренняя политика в широком смысле слова, привязана к монетарному якорю доллара. На долларовой подушке покоится политическая стабильность и социальный мир в этих государствах. Перспектива девальвации не рассматривается как таковая. Совокупные активы Центрального банка США и их суверенных фондов превышают 4 триллиона долларов США. Даже слабые валюты Бахрейна и Омана легко поддерживаются своп-линиями Центрального банка стран Залива. После видимого взлета в 2015-м в 2016 г. инфляция в странах Персидского залива заметно сократилась.

Выводы и прогнозы

На экономику региона решающим образом влияет мировая конъюнктура рынка нефти, которая диктует и динамику инфляции. Государственные бюджеты стран-нефтегазэкспортеров БВСА, в первую очередь Саудовской Аравии, других монархий Персидского залива, Ирана, Ирака, Алжира, Ливии и, в меньшей степени, Египта и Туниса формируются за счет нефтяных доходов. Несмотря на некоторое повышение в конце 2016 года, биржевые цены на нефть в течение ближайших лет, видимо, останутся относительно низкими (по сравнению с уровнем начала 10-х

годов). Их почти трехкратное падение по сравнению с относительно еще недавними максимумами вкупе с сохраняющейся неурегулированностью вооруженных конфликтов и социальной напряженностью будут главными детерминантами экономической ситуации в регионе в целом и инфляционной динамики в частности. В восточной части региона исключение будет составлять только Иран, где снятие санкций и быстрое восстановление прежних уровней нефтедобычи еще некоторое время будет поддерживать рост на уровне 4,5% годовых. В Ираке, Сирии, Ливии, Йемене экономическое положение полностью зависит от степени вероятности урегулирования там военных конфликтов, которая выглядит пока не очень обнадеживающей. В Египте (в большей степени) и Тунисе (в меньшей) сохраняется ситуация экономической нестабильности после экономической катастрофы «арабской весны», что не позволяет снизить инфляционные ожидания в каждой из этих стран (Фитуни, 2012, с. 90–97).

Таким образом, объективно складывающаяся экономическая ситуация в регионе оставляет очень узкие возможности для воздействия на инфляцию посредством государственной денежно-кредитной политики или иных мер внутриэкономического порядка. Уход от «нефтяной иглы», о котором нередко рассуждают в подобном контексте применительно к другим регионам мира (Кузнецов и др., 2015), в большинстве стран региона в обозримом будущем маловероятен, а в странах типа Саудовской Аравии или соседних монархиях Аравийского полуострова может рассматриваться лишь в качестве гипотетической перспективы.

Как следствие экзогенные факторы останутся в регионе определяющими с точки зрения воздействия на макроэкономическую стабильность и формирование дисбалансов. Средства государственной макроэкономической, структурной или денежно-кредитной политики могут дать ограниченный эффект в странах с относи-

тельно диверсифицированными экономиками или не являющихся ведущими мировыми нефтеэкспортерами (Египет, Иран, Марокко, Тунис, Иордания).

Страны БВСА нуждаются в ускорении структурных реформ по диверсификации их экономик. Хотя полный уход от нефтяной зависимости для многих государств региона невозможен, даже небольшое снижение уровня последней могло бы содействовать созданию более благоприятных условий для ослабления инфляционной зависимости от внешних шоков. Расширение возможностей для национально-частного сектора и повышения его значимости в ненефтяном сегменте экономики могло бы содействовать облегчению ситуации с занятостью и увеличением платежеспособного спроса населения. Большинство стран региона сформировали и даже воплощают в жизнь собственные программы экономической диверсификации. Однако вопрос об их последовательности и логической преемственности действий остается открытым.

Одной из серьезных проблем является нестыковка реализуемых программ подготовки кадров с реальными потребностями экономик. В частности, речь идет о преобладании в составе подготавливаемых национальных кадров юристов, менеджеров общего профиля, дизайнеров, врачей и представителей гуманитарных профессий в ущерб инженерам и техническим специалистам. Следствием такого дисбаланса становится ежегодное пополнение рынка труда выпускниками с высшим или средним специальным образованием, не находящими возможности трудоустройства и снижающими совокупный платежеспособный спрос в стране, с одной стороны, и увеличивающими потенциал социальной напряженности – с другой.

Социально-деструктивная реакция больших масс населения на структурные и макроэкономические дисбалансы – одна из особенностей региона БВСА. Ни в одном другом крупном экономико-географическом районе мира резкое по-

дорожание предметов потребления, в первую очередь продовольствия, и неуклюжие попытки проведения реформ в последние десятилетия не приводили к таким всплескам насилия и кровавым последствиям, как в арабском мире.

Реформы последних лет и коррективы в области экономической политики в сочетании с более низкими мировыми ценами на нефть помогли улучшить макроэкономическую стабильность в странах – импортерах углеводородов. Последовательное продолжение реформ, снижение налогового бремени и усиление внешнего спроса, особенно со стороны стран Еврозоны, как ожидается, поддержат восстановление. Тем не менее на фоне сохраняющихся структурных препятствий в среднесрочной перспективе рост, вероятно, останется недостаточным, чтобы существенно повлиять на ситуацию с высоким уровнем безработицы. Кроме того, даже это скромное улучшение ситуации зависит от множества рисков. Трудности с созданием рабочих мест и повышением жизненного уровня населения жизни могут усугубить социально-политические конфликты. Неудачные эксперименты в области социально-политической трансформации в странах региона отбрасывают их экономики на много лет назад.

Рост производительности труда и приток новых инвестиций в БВСА все еще недостаточны для уверенного и значимого экономического роста. Свободу маневра бюджетными средствами в «нефтяных странах», а с 2014 года и у многих нефтеэкспортеров ограничивают высокие административные расходы на зарплаты госслужащим, вынужденные платежи по обслуживанию госдолга и сохраняющиеся ассигнования на продовольственные и иные субсидии. Финансовая консолидация в этом контексте может улучшить ситуацию, но она же чревата социальными и политическими рисками (см. График 2).

Целевые меры по оптимизации расходов бюджета, активно рекомендуемые

МВФ и другими финансовыми институтами глобального управления, такие, как отказ от налоговых изъятий, повышение степени прогрессивности шкалы налоговой нагрузки и повышение собираемости налогов, переход от общего субсидирования в некоторых секторах (на продовольствие, электроэнергию и др.) к избирательной поддержке наиболее уязвимых групп населения, могут вызвать массовое недовольство населения, которое, как показывает практика последних лет, легко и эффективно используется и местной оппозицией любой ориентации – от немногочисленной пока либеральной демократии

до радикальных исламистов, – и внешними силами.

Дилемма состоит в том, что при всех политических рисках реформ с точки зрения объективных потребностей экономик всех стран региона перенаправление государственных финансовых вливаний в сферы, стимулирующие экономический рост, повышение внутренней конкуренции и структурные реформы, – перезревшая и неизбежная необходимость, единственная гарантия решения ключевой для них проблемы занятости и, в более широком смысле, продвижения вперед по пути хозяйственной и социальной модернизации в БВСА.

График 2. Прогноз динамики финансовых детерминант макроэкономической стабильности в РБВСА до 2019 г.

Picture 2. The Forecast of the Dynamics of Financial Determinants of Macroeconomic Stability in the Region of Middle East and North Africa

* Оценка.
п Проекция.

Источник: данные на 2016–2019 гг. – оценка и уточненный прогноз авторов, фактические данные за 2014–2015 гг., см.: (Devarajan, Mottaghi, 2017).

Список литературы

Абрамова И. (2009). Денежные переводы мигрантов: роль в социально-экономическом развитии Африки. *Мировая экономика и международные отношения*, (7). 82–90.

Абрамова И.О. (2011). Развивающиеся страны в мировой экономике XXI века: новые демографические детерминанты. *Азия и Африка сегодня*, (6). 23–29.

Абрамова И.О., Бессонов С.А. (2012). «Арабская весна» и трансграничная миграция. *Азия и Африка сегодня*, 7 (660). 10–15.

Волков С.Н. (2016). Российско-египетские экономические связи: состояние и перспективы. *Ученые записки Института Африки РАН*, 2–3 (36–37). 3–11.

Кузнецов А.В. [и др.]. (2015). *Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии*. Москва: ИМЭМО РАН. 137.

Кукушкин В.Ю. (2014). Северная Африка: «арабская весна» и перспективы модернизации стран – экспортеров углеводородного сырья. *Азия и Африка сегодня*, 8 (685). 19–25.

Сидоров В.А., Филиппова А.Д. (2017). Международный семинар, посвященный «африканскому вектору» фундаментальной трансформации экономической структуры РФ. *Ученые записки Института Африки РАН*, 1 (38). 19–23.

Ткаченко А.А., Васильев А.М. (2011). Революционные потрясения в Северной Африке. Дынкин А.А., Иванов Н.И. (ред.). *Россия в полицентричном мире*. Москва: Весь мир. 533–541.

Фитуни Л.Л. (2012). «Арабская весна»: трансформация политических парадигм в контексте международных отношений. *Мировая экономика и международные отношения*, (1). 3–14.

Фитуни Л.Л. (2012). Экономические причины и последствия «арабской весны». *Проблемы современной экономики*, (1). 90–97.

Фитуни Л.Л. (ред.). (2011). *Социально-экономические проблемы развивающихся стран в стратегии и тактике между-*

народного терроризма. Москва: Институт Африки РАН. 190

Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. (2013). Закономерности формирования и смены моделей мирового экономического развития. *Мировая экономика и международные отношения*, (7). 3–15.

Фитуни Л.Л., Солодовников В.Г. (2012). Навстречу «арабской зиме»: формирующиеся политические и экономические тренды в странах Северной Африки. *Азия и Африка сегодня*, 6 (659). 2–9.

Abdmoulah W. (2011). Arab trade integration evidence from zero-inflated negative binomial model. *Journal of Economic Cooperation and Development*, 32 (2). 39–65.

Abdmoulah W., Laabas B. (2010). *Assessment of Arab export competitiveness in international markets using trade indicators*. API/WPS 1010. Kuwait: The Arab Planning Institute. 54.

Abedini J., Péridy N. (2008). The Greater Arab Free Trade Area (GAFTA): an estimation of its trade effects. *Journal of Economic Integration*, 23 (4). 848–872.

Cobham D., Dibeh Gh. (eds.). (2009). *Monetary policy and central banking in the Middle East and North Africa*. New York: Routledge. 251.

Devarajan Sh., Mottaghi L. (2017). The Economics of Post-Conflict Reconstruction in Middle East and North Africa. *Middle East and North Africa Economic Monitor*. 100. URL: file:///C:/Users/Alex/Downloads/9781464810855.pdf (Accessed: 18.05.2017)

Diwan I., Galal A. (eds.). (2016). *The Middle East Economies in Times of Transition*. New York: Palgrave. 359.

Nabli M.K., Veganzones-Varoudakis M-A. (2004). Reforms and Growth in MENA Countries: New Empirical Evidence. *World Bank Working Paper Series*, (36). 49.

Simon G. [et al.]. (2013). *Monetary Issues in the Middle East and North Africa: A Policy Implementation Handbook for Central Bankers*. Washington: International Monetary Fund. 174.

References

- Abdmoulah W. (2011). Arab trade integration evidence from zero-inflated negative binomial model. *Journal of Economic Cooperation and Development*, 32 (2). 39–65.
- Abdmoulah W., Laabas B. (2010). *Assessment of Arab export competitiveness in international markets using trade indicators. API/WPS 1010*. Kuwait: The Arab Planning Institute. 54.
- Abedini J., Péridy N. (2008). The Greater Arab Free Trade Area (GAFTA): an estimation of its trade effects. *Journal of Economic Integration*, 23 (4). 848–872.
- Abramova I. (2009). Money transfers of migrants: a role in the social and economic development of Africa. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, (7). 82–90.
- Abramova I.O. (2011). Developing countries in the world economy of the XXI century: new demographic determinants. *Aziya i Afrika segodnya*, (6). 23–29.
- Abramova I.O., Bessonov S.A. (2012). “Arab spring” and transboundary migration. *Aziya i Afrika segodnya*, 7 (660). 10–15.
- Cobham D., Dibeh Gh. (eds.). (2009). *Monetary policy and central banking in the Middle East and North Africa*. New York: Routledge. 251.
- Devarajan Sh., Mottaghi L. (2017). The Economics of Post-Conflict Reconstruction in Middle East and North Africa. *Middle East and North Africa Economic Monitor*. 100. URL: file:///C:/Users/Alex/Downloads/9781464810855.pdf (Accessed: 18.05.2017)
- Diwan I., Galal A. (eds.). (2016). *The Middle East Economies in Times of Transition*. New York: Palgrave. 359.
- Fituni L.L. (2012). “Arab Spring”: the transformation of political paradigms in the context of international relations. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, (1). 3–14.
- Fituni L.L. (2012). Economic causes and consequences of the “Arab spring”. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, (1). 90–97.
- Fituni L.L. (ed.). (2011). Socio-economic problems of developing countries in the strategy and tactics of international terrorism. Moskva: Institut Afriki RAN. 190.
- Fituni L.L., Abramova I.O. (2013). Regularities of formation and change of models of world economic development. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, (7). 3–15.
- Fituni L.L., Solodovnikov V.G. (2012). Towards the “Arab winter”. Emerging political and economic trends in the countries of North Africa. Revolt in the Arabian World: Crops and shoots. *Aziya i Afrika segodnya*, 6 (659). 2–9.
- Kukushkin V.Yu. (2014). Northern Africa: “Arab spring” and prospects of modernization of the countries-exporters of hydrocarbon raw materials. *Aziya i Afrika segodnya*, 8 (685). 19–25.
- Kuznecov A.V [et al.]. (2015). *Regional policy: foreign experience and Russian realities*. Moskva: IMJeMO RAN. 137.
- Nabli M.K., Veganzones-Varoudakis M-A. (2004). Reforms and Growth in MENA Countries: New Empirical Evidence. *World Bank Working Paper Series*, (36). 49.
- Sidorov V.A., Filippova A.D. (2017). International seminar on the “African vector” of fundamental transformation of the economic structure of the Russian Federation. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*, 1 (38). 19–23.
- Simon G. [et al.]. (2013). *Monetary Issues in the Middle East and North Africa: A Policy Implementation Handbook for Central Bankers*. Washington: International Monetary Fund. 174.
- Tkachenko A.A., Vasil'ev A.M. (2011). Revolutionary upheavals in North Africa. Dynkin A.A. Ivanov N.I. (eds.). *Russia in a polycentric world*. Moskva: Ves' mir. 533–541.
- Volkov S.N. (2016). Russian-Egyptian economic relations: state and prospects. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*, 2–3 (36–37). 3–11.

Информация об авторах

Ирина Олеговна Абрамова, член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор, директор, Институт Африки Российской академии наук

123001, Российская Федерация, Москва, Спиридоновка ул., 30/1
africa.institute@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8394-0214

Леонид Леонидович Фитуни, член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора, Институт Африки Российской академии наук

123001, Российская Федерация, Москва, Спиридоновка ул., 30/1
africa.institute@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5416-6709

About the Authors

Irina O. Abramova, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Deputy Director, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

30/1, ul. Spiridonovka, Moscow, Russian Federation, 123001,
africa.institute@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8394-0214

Leonid L. Fituni, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Deputy Director, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

30/1, ul. Spiridonovka, Moscow, Russian Federation, 123001,
africa.institute@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5416-6709